

Действующие лица

Настя Стрелецкая (Жар-птица)
Холованов, он же Дракон, товарищ в сверкающих сапогах
Товарищ Сталин, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)
Ширманов, провокатор-исполнитель
Некто в сером
Профессор Перзеев, теоретик людоедства
Товарищ Ежов, нарком внутренних дел СССР,
Генеральный комиссар государственной безопасности
Мистер Стентон, генеральный директор фирмы «Фараон и сыновья»
Товарищ Берман, нарком связи СССР, комиссар государственной безопасности 1-го ранга, бывший начальник ГУЛАГа НКВД СССР
Товарищ Фриновский, заместитель наркома внутренних дел, командарм 1-го ранга
Товарищ Бочаров, старший майор государственной безопасности, начальник Куйбышевского управления НКВД
Товарищ Берия, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии
Мастер Никанор
Инструктор Скворцов
Катька Михайлова, хохотушка
Сей Сеич, спецпроводник спецпоезда
Люська Сыроежка, спецкурьер ЦК
Севастьян, медвежатник
Терентий Пересыпкин, майор
Мистер Хампфри, инженер-электрик
Вожди, охрана, обслуга, чекисты, исполнители, вертухаи, политические, блатные, бытовики, спортсмены, рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, людоеды, широкие народные массы

ПРОЛОГ

— **А** теперь целуй мой сапог.
Сияющий кончик сапога осторожно ткнул
в лицо: целуй.

Не увернуться от этого сияния. Не повернуть лица. Не повернуть, потому как руки заломили за спину и всё выше тянут. Понемногу. И боль понемногу скользит к тому пределу, после которого крик не сдержать.

А кричать ей вовсе не хочется.

Она так и решила: не кричать.

В былые времена, когда в парусном флоте матросов линьками пороли, каждому в зубы тряпку совали, чтоб не орал. Но прошли те славные времена. Теперь в рот резиновый мячик суют, когда расстреливают в крытой тюрьме. А если расстрел на природе, так мячик в рот не суют — ори сколько хочешь. Ори в свое удовольствие. А уж если бьют или руки ломают, то крик не пресекают, но требуют. Крик выбивают. Мода такая. Вообще пытка без воплей — неудавшаяся пытка. Неполноценная. Как пиво без пены.

Им же хотелось, чтоб удалась пытка. Им хотелось, чтобы она кричала. Потому ее руки они легонько тянут всё выше.

А в расстрельном лесу весна свирепствует. Бесстыжая такая весна. Шалая. Распутная. И каждая прелая хвоинка

весной пропахла. Жаль, что к запаху хвои лежалой запах ваксы сапожной подмешан. Запах сапога начищенного. И сапог тот незлобно, но настойчиво в зубы тычется: ну, целуй же меня. И голос другой, ласковый почти, подсказывает:

— Цалуй же, дурочка. Чаво тебе. Пацалуй разочек, мы тебя и стрельнем. И делу конец. И тебе не мучиться, и нам на футбол не опоздать. Ну а то, сама знаешь, — сапогами забьем. Цалуй...

Хорошо раньше было. Раньше говорили: целуй злодею ручку. Теперь — сапог. В былые времена перед казнью исполняемому и стакан вина полагался. Теперь не полагается. Теперь только исполнители перед исполнением пьют. И после.

Весь лес расстрельный водярой пропитался.

Руки подтянули еще чуть. Так, что хрустнуло. Попалась бы рядом веточка какая, вцепилась бы она в ту веточку зубами да крик и сдержала бы. Но не попадает в зубы веточка. Только мокрый песок и хвоя прелая. А руки уже так вздернули, что дышать можно только в себя. Выдохнуть не получается — глаза стекленеют.

Чуть руки отпустили, и выдохнула она со всхлипом. Думала, что еще руки чуть отпустят. Их и вправду еще чуть отпустили, но тут-то ее и ахнули сапогом ниже ребер. Так ахнули, что боль в руках отсекло. И вообще все боли разом заглушило.

Одна большая новая боль потихоньку сначала просочилась в нее, а потом хлынула вдруг, наполняя. И переполняя. Хватает она воздух ртом, а он не хватается.

Руки ее бросили. Они плетью упали. Ей как-то и дела нет до своих рук. В голову не приходит руками шевельнуть. Ей бы только воздуха. Продохнуть бы. И вроде уже схватила. Только изо рта он внутрь не проходит. Тут ее еще раз сапогом ахнули. Не тем, сверкающим. Сверкающий — для поцелуев. Другим ахнули. Яловым. Яловый тяжелее. Может, и не так сильно ахнули. Только от второ-

го удара зазвенели сладко колокольчики, и поплыла она спокойно и тихо в манящую черноту.

Уплывая, слышала другие удары, редкие и тяжкие. Но было уже совсем не больно, и потому она улыбалась доброй светлой улыбкой.

Потом лежала она, уткнувшись лицом в мокрый песок, в прелую хвою. Было холодно и нестерпимо мокро. Шинель сорвали, облили водой. По пролескам снег еще местами лежит. Потому холодно на земле. Если водой обольют. Медленно-медленно она выплыла из той черноты, из которой вроде бы не должно быть возврата. Не хотелось ей возвращаться оттуда, где запахов нет, в запах подснежников, в запах весны, в запах начищенного сапога.

Но вынесло ее. Плывет она голосам навстречу. И голоса к ней плывут:

— Блин, на футбол опоздаем.

— Кончай ее, командир. Не будет она сапог целовать.

— Заставлю.

— «Спартакчу» сегодня хвоста надрать бы...

Она в блаженство вернулась. И не хотелось ей шевелиться. Не хотелось выдавать себя, не хотелось показать, что вот она уже снова тут у их ног лежит. Они-то спешили. А она не спешила. Ей некуда больше спешить. Даже на футбол. Ей бы лежать тихо-тихо и долго-долго. Мокрая ледяная одежда ей в сладость. И колючие хвоинки периной пуховой. И захотелось ей высказать неземное блаженство словами человеческими. Но получилось лишь сладостное «Ахх!».

А они услышали долгий стон.

— Я же говорил, не до конца мы ее.

И ударило ее, обожгло, ослепило-оглушило. Потом поняла: это они еще одно ведро выплеснули. И вновь сапог сияющий у лица: целуй.

Долго она его рассматривала. У самых глаз сапог. Потому рассматривать удобно. Ни одной трещинки на сапоге. Отполирован так, что вовсе даже и не черный, но сере-

бряный. Так близко сапог у лица, что можно различить не только запах ваксы, но и запах кожи. Новый сапог. Поскрипывает. По рантам хвоинки налипли и мокрого песка комочки. Великолепие сапога этим не нарушается, но подчеркивается. Голенища — стоячие. Вроде как металлические. Между головкой сапога и голенищем — складочки. Но видны едва. Почти незаметные складочки.

Начальственный сапог. Можно на носителя такого сапога не смотреть. Лишь увидишь такой сапог, тут же опусти глаза долу — перед тобою ба-а-альшой начальник. А еще можно в таком сапоге свое отражение уловить.

Увидела она себя в сапоге. Поначалу даже не сообразила, кто это так синяками изукрашен, кто это ргом разбитым кривит. Потом узнала. Мысли в голове ее идут одна за другой, медленно-медленно. Точно караван верблюдов в пустыне.

Интересно, каков он на вкус, этот сапог?

И вдруг запах сапога стал ее злить. Вскипая, глубокая внутренняя ярость подступила к горлу и вырвалась еле слышным рыком. Лицо ее на песке. Никто не смотрит в ее лицо. А если бы посмотрел, то отшатнулся бы, увидев, как легко и просто с современного человека, с худенькой девочки сошли легкие наслоения тысячелетий цивилизации, и осталась неандертальская девочка-людоед со страшными синими глазами. Только что была правильная комсомолочка. Стала девочка-зверь.

Взревела она ликующим победным рыком, и разогнувшись могучей пружиной, бросилась на сверкающий сапог, охватывая обеими руками.

Она бросилась, как бросается удав-змееед на трехметровую королевскую кобру: накрывая жертву сразу и полностью. Она бросилась с тем клопочущим в горле ревом, с каким юная львица бросается на своего первого буйвола.

Она знала, как ломать человеческие ноги: левый захват и толчок плечом ниже колена. Человек редко распределя-

ет свой вес равномерно на обе ноги. Чаще переминается с ноги на ногу, перемещая нагрузку с одной на другую. И важно броситься именно на ту ногу, на которую в данный момент бóльшая нагрузка.

У нее получилось.

А еще важно, толкнув под колено плечом туда, где нервов узел, всем своим весом удержать вражью ступню на земле. Если удастся — минимум один перелом гарантирован.

Веса в ней немного. Но техника...

Ступню его она на земле удержала, и потому у самого ее уха в полированном голенище затрещали, ломаясь, кости. Он валился назад с протяжным воем. Она знала, что внезапная потеря равновесия — одна из двух основных причин панического страха.

Он был сокрушен. И не боль ломаемых костей, но страх был причиной его воя.

Ей бы в этот момент броситься еще раз. На лежачего. На горло.

Горло она бы перегрызла.

Но она не подумала о горле. Ей ненавистен был сапог, и именно в него она вцепилась зубами.

Туда, где чуть заметные складочки.

Ей больше не надо беречь свои зубы. Жизнь ее уже отбивала последние мгновения. Потому мысль — не о своих зубах, но о сапоге, который она должна не только прокусить, но растерзать, разметать вместе с кусками мяса по весеннему лесу.

Рот ее кровью горячей переполнило. Только не знала она: его это кровь или собственная.

Ее били.

Но удары — эхом в теле. Без боли. Так бывает, когда на телеграфном столбе сидишь, по которому лупят кувалдой: столб дрожит, а тебе не больно.

Потом снова была звенящая тьма.

Потом она вернулась из тьмы. Но уже не свирепой не-

андертальской красавицей, но комсомолкой Настей Стрелецкой. Настей Жар-птицей.

Ее тащили к яме. Она знала — на исполнение. Она смеялась над ними. Она знала, что победила. Правило старое: хочешь легкой смерти — целуй сапог. Не хочешь целовать — смерти легкой не получишь. Они не сумели заставить ее кричать. Они не сумели заставить ее целовать сапог, и всё же она отвоевала себе право легкой смерти. Она победила их. Она знала это. И они знали.

Ее тащили за руки, а ноги — по песку. По кочкам. По ямкам. По корням.

Разинула пасть могильная яма. Посыпались в яму комья мокрого белого песка из-под яловых сапог исполнителей. И увидела она разом всех тех, кого расстреляли сегодня. Теплых еще. Парит яма, отдавая весне тепло человеческих тел.

Много тел в яме. До краев. Все мертвые глаза разом на нее смотрят. На живую.

Пока живую.

Угнули ей голову над ямой: рассматривай содержимое. И корешки сосновые рассматривай, и лопаты на отвале песка, и головы, головы, головы с раскрытыми ртами, с высунутыми языками, с полуприкрытыми теперь уже навеки глазами.

И не думала она, не гадала, что уйти из этой жизни выпадет под звуки бессмертного вальса «Амурские волны». Но выпало так. Где-то далеко-далеко за березовой рощей, за лесным озером тихо струилась мелодия. И никто не слышал ее.

А она слышала.

Она знала, что это именно та мелодия. Что это для нее. Что вальс гремит и зовет ее остаться. Но она-то знала, что пришло время уходить. Уходить в кучу переплетенных мягких тел. Уходить из одуряющих запахов весны в запах спекшейся крови, в запах мясной лавки, в запах мокрого песка и сосновых корней.

А ведь всё для нее так славно начиналось. Впрочем, и завершается неплохо: не забита сапогами, но расстреляна.

Расстреляна.

Главное в жизни — умереть правильно. Красиво умереть. Всем хочется красиво жить. Но каждому все остальные мешают жить, как хочется. А умереть красиво никто не мешает. И этим надо пользоваться. Но мало кто пользуется. А она возможностью умереть красиво воспользовалась. И удалось.

А время остановилось. Застыло. Потом пошло вновь медленно-медленно. Над правым ее ухом лязгнул пистолетный затвор. Этот лязг она узнала: «Лахти» Л-35.

И грянул выстрел.

А начиналось всё так славно...

ГЛАВА 1

1

Началось всё с того, что построил инструктор Скворцов парашютную команду и сказал:
— Здрассьте.

— Здрассьте! — девоньки хором.

— Умеет ли кто танцевать?

— Гы, — девоньки весело.

— Все танцевать умеют?

— Гы, — ответили девоньки. Без перевода ясно: как не уметь!

— Ладно, — инструктор Скворцов говорит, — кто танцевать умеет, три шага вперед... Шагом... Арш!

Дрогнул строй девичий и отрубил три шага вперед.

Одна Настя на месте осталась.

Смерил взглядом строй инструктор Скворцов:

— Мне столько не надо. Мне одна только нужна. Ладно. Кто умеет хорошо танцевать... — Скворцов сказал с упором на слове «хорошо». — Три шага вперед... Шагом... Арш!

Снова весь строй три шага вперед отрубил.

Одна Настя на месте так и осталась.

— Ладно, девоньки. Мне нужна та, которая очень хоро-

шо танцует, — на этот раз упор на слово «очень», — три шага вперед... Шагом... Арш!

Еще три шага строй отрубил и замер.

А Настя одна на прежнем месте.

Тогда инструктор Скворцов к ней подошел.

— Анастасия, ты что ж это, танцевать не умеешь?

— Не умею.

— Врешь.

— Вру.

— Врешь? А почему?

— Не хочу танцевать.

— А танцевать не требуется.

Обошел инструктор Скворцов ее вокруг, оглядел.

— Я же не сказал, что танцевать надо. Танцовщиц у меня полная Москва. Мне девочка нужна с координацией, с гибкостью, с быстротой движений, с точностью. Давай так: ты нам только покажешь...

— Зареклась...

— А это танцем считаться не будет. Демонстрация способностей.

— Тогда пожалуйста. Только я без музыки не демонстрирую.

— Есть музыка.

Водрузил инструктор Скворцов на табуретку патефон, накрутил ручку как полагается, поднял головку блестящую. Среди девчонок ропот: да вы на меня только посмотрите! Да я вам и без музыки!

Поставил инструктор Скворцов головку на пластинку, порычал патефон, похрипел, будто великий певец перед исполнением, и ударили вдруг в его патефонном нутре барабаны, взвыли саксофоны, заорали трубы: трам-пам-пам-пам, трам-пам-пам-пам, пра-па, бу-бу-бу-бу-бу!!!

С первыми звуками замерла Настя, вытянулась вдохновением переполненная, будто электрический заряд по ней плавно прошел, будто искры с пальцев посыпались голубые.

И пошла.

И пошла.

— Эге, — девоньки сказали. — Эге.

Стоят вокруг, смотрят. А некоторые и смотреть не стали. На укладку парашютов пошли.

А Настя Жар-птица чертиком заводным ритм негритянский выплясывает. И по телу ее вроде волна вверх-вниз ходит, вроде ни костей в ней, ни суставов. Как змея под дудочку. Танцует так, что с места не сходит. Но ведь и змеи на хвосте танцуют, с места не сходя. При умении сцена вовсе не требуется. Умеющему и зал танцевальный не нужен. При умении можно и на месте танцевать. На собственном хвосте.

Где-нибудь в Калькутте или в Мадрасе оценили бы. И в Чикаго оценили бы. Правда, и в Москве оценили.

— Ну, девоньки, кто кроме Настасьи талант продемонстрировать желает?

Никто не желает: прыжки сегодня, энергию экономить надо, не до танцев.

Смеется инструктор Скворцов. И Насте на ушко:

— Молодец. Ай, молодец. Я тебя за три парашюта продам.

2

Вечерами у Насти работа. Завод «Серп и молот». Литейный цех. Подметальное дело. Семь часов в день. В соответствии со сталинской Конституцией. А парашютная секция — по утрам.

— Многие думают, что главное в парашютном деле — укладка, прыжки, приземление. Чепуха. Этому, девоньки, не верьте. Дураки думают, что приземлился — и делу конец. Нет, куколки мои тряпочные, после приземления самое главное только и начинается. Надо парашют спрятать и с места приземления уйти. Поэтому каждый день я вас на полный марфон гонять буду. Уходя от преследования,

надо уметь переплыть реку. Поэтому каждый день помимо марафона мы будем плавать километр. Бассейна у нас нет, но он нам не нужен. Москва-река — наш бассейн.

— А зимой?

— Зимой у Серебряного Бора нам ледокол дорожку ломать будет.

3

Отгремела смена вечерняя. Затих цех. И раздевалки затихли. Никого. Бесконечные ряды шкафов железных. На каждом шкафу — замок. Все замки — разные. Если бы нашелся какой коллекционер, то раздолье ему, сразу бы в раздевалке одного только цеха полную коллекцию замков всех времен и народов собрал.

Осторожно Настя в свой шкаф железный — юрк. Как мышка незаметная. Только щелочку надо оставить. Потому как снаружи ручка есть, а изнутри не предусмотрена. Щелкнет замок — как потом из этой мышеловки выбраться? Тот, кто шкафы для раздевалок делал, никак предположить не мог, что шкаф спальней кому-то служить будет. Домом родным.

Прижалась Настя спиной к железной стенке, обняла колени руками. Голову на колени — и спит. Жаль, затекают ноги быстро. Жаль, не вытянуть их. Жаль, ночами холодно. Жаль, что халаты промасленные не греют и голова от их запаха болит. Только пустяки всё это. После марафона, после плавания километрового, после парашютной тренировки (а для умеющих хорошо танцевать — еще и стрельба, и самбо, и ориентирование на местности), после вечерней смены спится хорошо даже в железном шкафу раздевалки литейного цеха завода «Серп и молот».

4

Строг инструктор Скворцов:

— Значит так. Сейчас у нас сентябрь. Объявляю купальный сезон. Любое занятие будем начинать с купания. Один час. И так будем продолжать. Весь год. В Москве холодно не бывает. Редко-редко до минус тридцати доходит. Это у нас в Сибири холодно. А тут тепло. Всегда. Но и у нас, в Сибири, вода холодной не бывает. Никогда. Если вода холодная, то она твердеет и превращается в лед. Но в любом льду всегда можно сделать прорубь. В проруби вода всегда теплая. Пока не затвердеет. Но мы новую прорубь к тому времени сделаем. И еще. Запрещаю воду ногой трогать. Запрещаю рукой. Незачем ее трогать. Температуру воды на глаз видно. В лед не превратилась — значит, теплая. В воду входить быстро. От этого решительность вырабатывается. В воду входить так, как входит парашютист в пустоту. Всё ясно?

— Все.

— Тогда одна минута на раздевание... пошла. А с завтрашнего дня раздеваться будем быстро.

5

Почему Настя в шкафу спит? Потому, что больше нигде. Совсем недавно жила она в большой квартире. В очень большой. Но осталась одна Настя на всю квартиру. На всю Москву. На всю Россию. Квартира гулкая. Москва гулкая. Отдаются шаги в квартире. Отдаются шаги в Москве: ходят темными ночами темные люди. Стучат в двери. Вы арестованы! Вы арестованы! Вы арестованы! Вы арестованы!

Затаилась Москва. Притихла. Мертвой прикидывается. Ведет себя Москва точно так, как город Конотоп. Когда шпана по улицам песни орет.

В те странные ночи ходила Настя из комнаты в комнату. В каждой — все четыре стены книгами заставлены. Под потолок. А потолки раньше вон какой высоты делали. Всё бы хорошо, но на двери входной Моссовет резолю-

цию кнопочкой приколот: «Освободить до 13.7.1936». Резолюция в полном порядке: печать с колосьями, с серпом и молотом, и подпись крюком.

Куда книги девать? И вообще, что делать? Отец, красный командир, врагом оказался. Не побоялся с самим Тухачевским спорить. А кто спорит с Тухачевским — тот враг. И мать врагом оказалась. Враг без права переписки. А дед-белогвардеец всегда врагом этой власти был. Дед где-то в маленьком украинском городишке прошлое свое таит. К деду можно было иногда наведываться, тихонько, на недельку. Теперь нельзя. Путь заказан.

Много друзей было у Насти в Москве. Только после ареста отца и матери как-то дружба разладилась, а новая складываться перестала.

До 13 июля неделя оставалась, и потому сидела Настя днями и ночами, книги листала. Читала она медленно. Быстро читать ее учили, но она этому противилась. Тот, кто быстро читает, тот не водит глазами по строчкам, а ведет глазами по одной линии сверху вниз. Девять секунд — страница.

Так читать Настя не хотела. У нее — свой стиль. Никак ей нельзя было объяснить, зачем по странице надо глазами сверху вниз скользить. Она вообще не понимала, почему надо читать одну страницу, а потом другую. Развернутая книга — две страницы. Поэтому она всегда читала обе страницы разом, не скользя взглядом ни по строкам, ни сверху вниз, а накрывая сразу обе страницы одним взглядом. И взгляд задерживала. Нормальному человеку на две страницы требуется восемнадцать секунд, ей — целая минута.

Но в медленном чтении есть и преимущества. Восемнадцать секунд — чтение поверхностное. Текст запоминается, но только если он понятен и интересен читающему. Если же на две страницы тратить по целой минуте, то тогда усваивается и полностью запоминается любой текст независимо от того, понятен он или нет, интересен или не

очень. Потом при желании любой однажды прочитанный текст можно воспроизвести в памяти.

Любая человеческая голова способна удержать полное содержание книг любой библиотеки мира, сколько бы миллионов томов в ней ни хранилось. Настя никогда не имела намерения запомнить содержание всех книг какой-нибудь библиотеки. Читала то, что под руку попадалось. А что читала — запоминала. Имея прочитанные книги в памяти, в любой момент могла мысленно открыть любую книгу на любом месте и перечитывать. И замечали странности за нею. То плачет без причины, то смеется. А это она про себя то Гоголя читала, то Лермонтова, то Гашека.

А тогда, в пустой гулкой комнате, решила проверить, как запомнила Полевой устав ПУ-36. Книжонка махонькая совсем. 215 страниц. 385 статей. Кроме статей запомнила Настя и то, что к уставу вроде и не относится: «Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината, отпечатано в 1-й типографии Государственного военного издательства НКО СССР, Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3».

Люди, которые читают быстро, чтобы наизусть запомнить книжку в 200–300 страниц, должны прочитать ее дважды. Некоторым требуется прочитать книгу трижды. А Настя запоминала всё прочитанное с первого раза. Так что время, потраченное на медленное чтение, окупается. Может Настя весь ПУ-36 от начала до конца рассказать. Не своими словами, а именно теми, которыми устав написан.

Может отдельные статьи вразброс цитировать. Только номер назовите. Статья 128-я: «Искусство составления приказа требует умения выразить выпукло и категорически идею боя...» Есть в Уставе статьи коротенькие совсем, как 280-я. Три строчки. А есть длинные, как 308-я и 309-я. Почти по целой странице. Но ей всё равно, как цитировать. Может — по статьям, может — по страницам. Страница часто на полуслове начинается. На полуслове и кончается. Вот Настя начинает с полуслова. Можно ее по строчкам проверять. Всего в книге 6544 строки.

Например, пятая строчка на 139-й странице такая: «наводкой с 800 м. Если она этим требованиям не удо-». А шестая строчка: «влетворяет, батарея по тревоге выка- тывается для».

Проверила себя. Сама себя похвалила: ай да Настенька!

Только к чему всё это теперь?

Книги, книги. Куда книги девать?

И решила Настя книги бросить в квартире. Те, которые любила и читала, она всё равно помнит. А те, которые не любила и не читала, зачем они ей?

Ушла из квартиры. Ушла из школы. Теперь в шкафу живет. Без книг. Мастер Никанор замечает, что Настя вечерами в раздевалке прячется. Непорядок это.

Вдруг она — диверсант вражеский? Вдруг она, одна оставаясь, оборудование портит? Но добр мастер Никанор. Не гонит на улицу. Знает, что нет у Насти другого дома кроме этого железного шкафа.

6

Разве нельзя в Москве найти места более подходящего, чем шкаф в раздевалке литейного цеха завода «Серп и молот»?

Можно найти такое место. Но, оставшись одна во всем мире, решила Настя начинать жизнь с начала. И начинать с главного. Что у нас главное? Главное — пролетарское происхождение. Где взять пролетарское происхождение? Все в роду ее до двенадцатого колена — народ служивый, стрельцы да пушкари, уланы, гусары да драгуны, и даже один кавалергард был. Оттого фамилия такая — Стрелецкая. В роду ее те, кто у трона стоял, кто трон хранил, живота не жалея, кто не раз тот трон тряс, как грушу трясут, посмеиваясь. В роду ее те, кому цари не гнушались собственноручно головы рубить. В роду ее те, кого в Сибирь в кандалах гнали, за окаянство. В роду ее те, кто из Сибири в лаптях приходил в столицы белокаменные и лапой

мужичьей брал династию за белу грудь, как женщину. В роду ее те, кто в одну ночь пропивал полцарства, а еще полцарства другу дарил. На память. В роду ее те, кто уходил на край земли грехи великие замаливать. В роду ее те, кто с Великой войны пришел с офицерским Георгием на шее. В роду ее и те, кто, ударив шапкой оземь, пошел к красным в услужение, лил за них кровь, дошел до больших ромбов в петлицах и сгинул на Соловках, где прародители непокорные грехи замаливали.

А пролетариев в роду не было.

Признав этот факт, дальше можно было идти двумя путями. Путь первый: пролетарское происхождение себе приписать. Путь второй: открыто во всех анкетах писать «из дворян». И в пролетариат записаться. Начать пролетарскую династию с нуля. С себя: Настя Жар-птица — пролетарий в исходном поколении.

Сидит Настя-пролетарочка в железном шкафу. Два марафона сегодня прошла, полтора километра кролем, два часа на ковре чучело шестидесятикилограммовое через себя кидала и два часа парашюты укладывала. И семь часов с метлой в литейном цехе. По расчету, должна она уснуть сразу. Но не спится. Может, сменить судьбу? Может, и без пролетарского шкафа прожить можно?

Ходят по Москве урки. К ним у Насти интерес нездоровый. Гордые люди. Давят их. Гнут. Кого согнуть не сумеют — того стреляют. Но не переводятся урки в Москве. К ним, может? Ее-то не согнут. Ее только застрелить можно. Так это пусть. Только у блатных всё хорошо. Но женщина ими командовать не может. Так это или не так, Настя не знает. Но слышала такое. Насте это никак не подходит. Ей бы командовать. Если бы родилась Настя во времена Елизаветы или Екатерины, трон бы взяла. Или погибла бы в бастионе Петропавловской крепости, как княжна Тараканова.

Если нельзя женщине у блатных мечтать о великом будущем, то к блатным она не пойдет.

Есть еще сословие в Москве. Процветающее. Продавцы, официанты, все, кто вокруг торговли и распределения. Сытно живут. Хорошая работа.

Есть и еще одно сословие в Москве — писатели, артисты. Но и их ломают и гнут. Кого не согнут, тех стреляют. А кто стреляет? Вот попасть бы в ряды тех, кто всех гнет и ломает. Только ведь и их кто-то ломает и гнет. И стреляет. Потому Настя в пролетариат пошла. Пролетариат — гегемон.

Решила Настя пойти подручным литейщика — не взяли. Не бабье дело, говорят.

7

И снова отгремела вторая смена. Рванул рабочий класс за ворота заводские.

Всегда так: первые через проходную вырываются, как поток плотину прорвавший, потом поток слабеет, слабеет, потом тоненьким ручейком струится. А потом уже по одному — капельками. Самые последние долго еще тянутся. В раздевалке еще час последние переругиваются.

Утихло все. Настя — в свой шкаф. И тут же, дверку растворив, мастер Никанор:

— Штой ты, Настасьюшка, домой-то не спешишь?

— Вы же знаете, Никанор Иваныч, что нет у меня дома.

— Где же ты, Настасьюшка, ночи проводишь?

— Здесь и провожу. Негде мне больше.

— Непорядок. Кто узнает, подозрения пойдут: не ты ли ночами стекла толченые в станки сыпешь? Сама знаешь: враги кругом да вредители. Тут же вспомнят, что родитель твой большим воинским чином был, да врагом оказался. А яблочко от яблоньки... В НКВД донесут...

— Я тогда, Никанор Иваныч, на вокзал пойду или в сквере на лавочке.

— Поздно. Если одну ночь в цеху уже провела, этого и достаточно. За такое в наше время сажают. Заметут тебя

по вражьей статье. Но ты не бойся. Я за тобой давно слежу. Я за тебя горой. Со мной в дружбе состоять будешь — никому не донесу.

— Спасибо, Никанор Иваныч.

— Сюда иди. У меня же в кабинке и матрас есть, и укрыться есть чем. Там и спи каждую ночь.

— Никанор Иваныч, я уж как-нибудь.

— Сюда, говорят, иди!

И прижимает ее всю, и охватывает. Жаром дышит, и несет от него водкой с чесноком. У Никанора глаза жеребьячей кровью налиты, дышит печью огнедышащей. Вцепился ей в плечи лапами. Не отпустит. Злость аж капельками с зубов каплет. Такому не откажи. Растерзает.

Чуть расслабила Настя плечи свои, и Никанор совсем навалился. Тут она его легонько правым коленом и двинула. Согнулся Никанор, Настю отпустил, руки туда прижал, где ноги сходятся. А это тот самый момент, о котором каждый самбист мечтает. Сцепила Настя обе кисти замком в один кулак, вознесла его выше и врубила мастеру своему по загривку. Охнул Никанор, на оба колена пал. Это совсем хорошая ситуация. Знает Настя, что бить его надо, пока на коленях. Не дать вскочить ему. А то лопатой зашибет, никакое самбо не поможет. Поэтому — еще один удар и по тому же месту. По загривку. Но теперь уже ногой: правое колено к подбородку и разгиб резко вниз. Ребром ступни по шее. Охнул Никанор.

Тут бы ему и объяснить, что, мол, промашка вышла и не хотел он ее обидеть. И уж рот открыл, а она ему ногой в дых так двинула, что булькнуло-чавкнуло в Никаноре, и все слова разом забылись, а если бы и вспомнились, так не продохнуть, не то что слово вымолвить. А она его пятой сверху вниз по печени или еще по какой-то внутренности чувствительной так двинула, что пошли круги зеленовато-фиолетовые. И уж ботинки обувает.

Обула. Теперь тот же прием, но только ногой, обутой в большой несгибаемый пролетарский ботинок, — по

внутренности чувствительной. Сообразил мастер Никанор, что не зря товарищ Сталин миллион парашютистов готовит. Не потехи ради. Не просто они там в своих кружках с парашютами сигают, но и...

Следующий удар ботинком был в левый глаз. Вроде солнце в глазу взорвалось и рассыпалось триллионом искр. Тут же и в зубы мастер Никанор получил. Тем же ботинком.

Нет, так дело не пойдет! Спокон веку на Руси закон благородства: лежачего не бьют. Коммунисты проклятые нравственность молодежную испохабили. Ишь, над лежачим измывается. Погоди! Правой лапой махнул Никанор, чтоб за ногу Настю захватить да дернуть. Но не знал Никанор-мастер, что в парашютных кружках особо хорошие танцоры и танцовщицы ценятся. Не знал, что хорошо танцующих особо отбирают и особо готовят. Кто хорошо танцевать умеет, у того тело гибкое, мускулатура упругая, у того реакция волчья и координация движений кошачья. У того выносливость верблюжья. Из таких самбисты получают.

Увернулась Настя от лапы никаноровой, по полу гребущей, и прием повторила: правое колено высоко вверх, к самому лицу, и разгиб прямо резко вниз. По пальцам. Чтоб граблями не махал.

Взвыл Никанор. От боли взвыл. От жалости к себе. А она ему по коленной чашечке: если погонится, так чтоб далеко не гнался.

Поднимается Никанор. Большой и страшный. Разорвет Настеньку. Страшно ей. И весело. Как инструктор Скворцов учил, за кисть Никанора, за правую, да кисть — на изломчик. И через себя его. Мордой об шкаф железный. Грохнул шкаф, загудел. Понимает Настя, что велика Россия, а отступать ей некуда. Потому держит Настя оборону, как Полевой устав требует: нанося короткие внезапные контрудары. Завершающий — по хребту. Нейтрализующий. Надолго нейтрализующий. На много часов.

На заре нового радостного дня пошел Никанор-мастер к себе в будочку. Там у него и матрас есть. И укрыться есть чем. Пошел на четвереньках. Или, как у нас это точнее выражают, на карачках. И зарекся: парашютисток не трогать. Да и много ли удовольствия от такой: ни сисек, ни жирности. Ему, собственно, от нее ничего и не нужно было. Подумаешь! Не хочет — не надо. Кому она такая нужна! Да у Никанора таких — полный цех. Только свистни...

ГЛАВА 2

1

— **З**аходите, товарищ Холованов. Чудо покажу. Заходит товарищ Холованов в темноту балконную. Сапоги товарища Холованова так сверкают, что тьма по углам рассеялась. Раньше певчие тут на балконе пели. Теперь балкон служит складом спортивного инвентаря. И с балкона, с высоты, все, что внутри церкви происходит, видно как на ладонке. Ковер спортивный посередине, и тренирует инструктор девчонок. Хорошо церкви под спортзалы подходят. Своды высокие, хорошо дышится.

— Любуйтесь.

Любуется товарищ Холованов. Есть чем любоваться. На ковре девчонки бросают друг друга. И инструктор их бросает. И они инструктора.

— Вот на ту беленькую смотрите.

— Так я ж на нее и смотрю.

— Чувствуете разницу с остальными?

— Чувствую.

— В любой борьбе, в классической и в вольной, у нас в самбо, у японцев в дзюдо, в любых национальных единоборствах различают захват и бросок — это два основополагающих элемента. Захватил — бросил. И этим мно-

гие мастера грешат: захватил и топчется, примеряется, приноравливается, а уж потом бросает. А у нее захват от броска неотделим. У нее захват и бросок вместе слиты. В одно касание. В принципе, у нее захвата нет. Сразу бросок. Причем совершенно внезапный. Мы всё ждем ее захвата и броска. Вот схватит. Вот схватит. Ждем, а захват и бросок всё равно внезапны. Знаете, как в лаборатории, ждешь: вот сейчас электрический разряд шарахнет. Вот сейчас. А он всё равно внезапный. Смотрите, только кончиками пальцев коснулась — сразу бросок. Да какой! Не бросает, а печатает. Вот, смотрите: обманное движение. Теперь — бросок. А когда захватить успела, не усмотришь. Славненько припечатала инструктора?

— Славненько.

— Еще смотрите. Обманное движение. Еще одно! Бросок! А захвата и не увидели. А вот ее бросают. Вообще ее бросают, только получив на это ее согласие. Без разрешения не бросишь. Она контрприемом с ковра выбросит. Итак, ее бросают. Обращаете внимание? Припечатали к коврику, а она на нем не лежит. Не лежит. И не встает. Она от ковра как мячик от бетона отскакивает. Как вы ее ни кидайте, она на ногах тут же. Оп! И еще — оп! Змея. Форменная змея. Как змею ни кидайте, она тут же к новому броску готова.

— Но должны быть и у нее ошибки.

— Есть. Есть, товарищ Холованов, и у нее ошибки. Этим грешат и великие мастера. Приемы она всё в правую сторону проводит. Только в правую. А надо, чтоб бросала и правым, и левым непредсказуемо. Это поправимо. Дайте ей лучшего тренера Союза, и через год ее на международные соревнования выставлять можно... Вот она снова бросает! Разве не чудо?

— Чудо, — согласился товарищ в сверкающих сапогах. — Зачем, Скворцов, мне чудо демонстрируешь? Уведу.

— Уведете, — покорно согласился инструктор Скворцов. — Яснее дня — уведете. Но не последний же вы гад,

товарищ Холованов, чтобы такое чудо из моего клуба бесплатно уводить.

— А твоему клубу парашюты нужны...

— Американские, — скромно опустил глаза инструктор Скворцов. — Знаете, парашюты с ярлычком зелененьким? Шелкопряд на паутинке.

— Знаю шелкопряда. Сам только американскими парашютами пользуюсь.

— Вот они самые.

— А ты, случаем, девочку чекистам не показывал?

— Как можно!

— А военным?

— Вам первому. Вы меня знаете. Если у вас парашютов не найдется для старого друга, то тогда я ее, конечно...

— А как прыгает?

— Красиво прыгает.

— С каких высот?

— С тысячи. С трех. С пяти. С семи.

— С кислородом пускал?

— А как с семи без кислорода?

— А затяжные?

— Стал бы я вам ее, товарищ Холованов, показывать, не проверив в затяжных. Обижаете вопросами.

— Правда, никому не показывал?

— Застрелите меня тут же, товарищ Холованов, из своего леворюционного левольверта.

— А то смотри, Скворцов. В мантульные места загоню. Ты меня знаешь. На великие стройки коммунизма.

— Всё понимаю. Правду говорю, никому девочку не показывал.

— Ладно. Договорились. Завтра получишь пять американских парашютов.

— Сто.

— Я же сказал — пять.

— Я поначалу тоже думал — пять. Даже за три собирался вам ее продать. За три советских. Потом передумал.

Каждый день на занятия ходит. По три часа самбо. И еще по три часа парашютной подготовки. Еще час мы плаваем каждый день. Немножко бегаем. Радиокружок, как положено. А кроме всего, она полную смену на «Серпе и молоте» вкалывает. И вроде не устает.

— Тебе-то откуда знать?

— А вы на нее поглядите. Похоже, что она по три часа в сутки спит?

— Не похоже.

— Смотрите, как троих к земле печатает! Самоцвет. Шлифовке поддается с трудом. Как алмазу и положено. Зато сверкание негасимое. После шлифовки. Знаете, как в руках огранщика камушек: долго-долго его шлифуют, и вот он — р-р-раз! — и засветился с одного бока. Развернули другим: точат-точат, и — р-р-раз! Он и с другого края засветился. Так и у нас. На каждой тренировке мы в ней новые стороны открываем. И с каждой стороны — сверкание. Чекисты за нее...

— Да я ее бесплатно уведу.

— Вы же, товарищ Холованов, не последний гад!

— Не самый последний.

— Тогда сто.

2

У человека в сверкающих сапогах квартира на улице Горького. Большая квартира. В квартиру он заглянул на минутку. Вещи захватить. Захватил. Запер квартиру — и в лифт. Хорошие лифты в больших домах на улице Горького, а этот лифт — самый лучший. Лучший потому, что под кнопочками — замочная скважина. И никто внимания на нее не обращает. Но если вставить в скважину ключик, то лифт ни на каком этаже больше останавливаться не будет и двери ни перед кем не откроет.

Простая система. Если, конечно, в кармане этот ключик иметь.

У товарища в сверкающих сапогах этот ключик оказался, и он им воспользовался.

А еще тем хорош лифт, что если вставить ключик в скважину и нажать одновременно на кнопки «4» и «1», то пойдет лифт без остановок, проскочит первый этаж и пойдет глубже и глубже. В подземный тоннель.

Знал человек, на какие кнопки нажимать. Нажал. Провалился лифт в недра московские. И замер. Открылась дверь. Вышел человек. Вправо — коридор во мрак, влево — коридор во мрак. И прямо коридор. Тоже во мрак. Полоснул товарищ фонариком вправо-влево и пошел прямо. Тридцать шагов — поворот, еще сорок и снова поворот. Дверь в стене. Дверь несокрушимого бомбоубежища. Поколдовал товарищ у двери, отошла она в сторону, оголив свою полуметровую толщину. А за дверью — обыкновенный тоннель московского метро, только не проходной, а тупиковый. И ремонтный поезд в тоннеле.

Ремонтный поезд, как обычно в метро, — локомотив не то дизельный, не то электрический, вагон не то почтовый, не то багажный, и платформа с какими-то механизмами. И надпись размашистая по бокам: «Главспецремстрой-12». Если к локомотиву присмотреться, если вникнуть в суть, то понять легко: локомотив и электрический, и дизельный. По тоннелям метро шастать лучше на электрической энергии. Чтоб воздух не коптит. Ну а если экстремальный случай, если отрубят электричество и всё движение в метро остановится, ремонтному поезду останавливаться нельзя. Ему надо двигаться в любой ситуации, особенно в критической. Вот для того у него дизель. И не всё ему по подземным тоннелям шататься, ремонтному поезду и на поверхности дел немало. И здесь опять дизель нужен.

Одним словом, как на подводной лодке: под водой на электроэнергии идем, на поверхности — на дизелях.

Возле локомотива — машинисты. Обыкновенные, наши родные советские машинисты. Только ростом чуть выше обычных и плечами раза в два шире. Всего только и

разницы. Кивнули машинисты человеку в полированных сапогах — и к себе в кабину локомотива. Если пассажир прибыл, значит, сейчас едем. А у вагона не то почтового, не то багажного — проводник. Тоже не из слабой сотни. Странно: проводник в пассажирском вагоне бывает, а тут вагон явно не пассажирский. Он только по форме пассажирский, но окошек мало, всё больше стенка стальная, а окошечки тут да там. Вагончик даже и на тюремный смахивает. У тюремного тоже окна в дефиците. А вернее всего, это вагон не багажный и не почтовый, и даже не тюремный, а обыкновенная лаборатория для проверки путей. Есть такие в ремонтных поездах: по виду и форме на обыкновенный пассажирский вагон похожи, а внутри всяким оборудованием и приборами нафаршированы. Потому им окошек много и не надо.

В общем, гадать пока не будем, что это за вагон такой и что у него внутри. Потом выяснится.

А сейчас товарищ в сапогах подал лапу широченную проводнику:

— Здравствуйте, Сей Сеич!

— Здравствуйте, товарищ Холованов. Куда прикажете?

— Прикажу в Ленинград.

3

Просвистел «Главспецремстрой-12» пустыми подземными тоннелями, прогрохотал спящими станциями, выскочил на поверхность и замер на запасных путях Ленинградского вокзала среди пустых пригородных поездов. Теперь ждать утра.

Ровно в 8:00 с первой платформы Ленинградского вокзала плавненько потянул красный паровоз караван красных вагонов с золотой полосой над окнами и надписями золотыми: «Красная стрела».

«Главспецремстрой» выждал две минуты и так же плавненько — за «Стрелой». Это удобно, чтобы графики

движения не нарушать: пристроился за экспрессом на дистанции двух семафоров, да так за ним до Ленинграда и иди. Без остановок.

Тут возникают два вопроса.

Первый: позволительно ли какому-то ремонтному поезду затесаться в расписание и следовать прямо за «Красной стрелой»? Тут я вынужден ответить отрицательно: какому-нибудь ремонтному поезду втесаться в расписание пассажирских поездов не позволят. Другое дело, если поезд принадлежит тресту «Главспецремстрой».

Второй вопрос: сумеет ли ремонтный поезд угнаться за «Красной стрелой»?

И снова ответ отрицательный: ремонтный поезд угнаться за «Красной стрелой» никак не может. Это железное правило. А из правила одно исключение: если ремонтный поезд из треста «Главспецремстрой», то он любую «Стрелу» обгонит.

Если потребуется.

4

«Красная стрела» весь день в пути: утром в Москве, вечером — в Ленинграде.

И «Главспецремстрой-12» — тоже.

Только у самого Ленинграда ремонтный поезд понесло не к Московскому вокзалу, а чуть в сторону. На запасные пути, к складам, к паровозным депо, к табунам пустых вагонов.

Юркнул «Главспецремстрой» в неприметный, травой заросший тупик меж двух кирпичных стен и замер. Открылась дверь вагона. Выпрыгнул товарищ на битый кирпич, и — в какую-то закопченную дверь.

И был таков.

Никто его не видел. Некому тут быть, меж двух стен заводских. Некому выпрыгнувшего товарища разглядывать. А если бы и было кому, всё одно — не узнал бы.

Потому как наш товарищ выпрыгнул не в сверкающих сапогах, не во френче и галифе, а в английском костюме фирмы «Остин Рид», в ботинках фирмы «Фамберленд», в шляпе, надвинутой на глаза, с плащом на левой руке, с портфелем крокодиловой кожи — в правой. И уже совсем он и не товарищ Холованов, а товарищ Беев, гражданин Болгарии, ответственный сотрудник Коминтерна.

Брошенным цехом, через битое стекло и щебенку вышел он на тихую улицу, где как раз скучал амбал-таксист в большой машине с темными стеклами.

— На Финляндский.

— Понял.

Дальше его след теряется. Охотно рассказал бы, куда он поехал, но, увы, этого мне знать не дано. Удалось выяснить только, что вновь он появился через двенадцать дней в самом красивом городе мира — в Вашингтоне. (Читатель, конечно, понимает, что краше Киева ничего в мире нет. Но Киев так прекрасен, что сравнивать с ним другие города просто нельзя. Так вот: если Киев во внимание не брать, то тогда самым красивым будет Вашингтон, а уж после него — Сидней.)

Итак, через двенадцать дней в этом самом Вашингтоне некий господин Беев стукнул бронзовым набалдашником в зеркальную дверь величественного здания штаб-квартиры концерна «Фараон и сыновья» на М-стрит. Правда, теперь господин Беев был уже не ответственным работником Коминтерна, а преуспевающим болгарским коммерсантом.

Он любил удобство во всем. Коминтерн — штаб мировой революции, потому государственную границу Советского Союза удобнее всего пересекать с документом этого учреждения. А вот путешествовать по Америке удобнее не эмиссаром штаба мировой революции, но преуспевающим бизнесменом. И лучше не прикидываться шведом, потому как можно нарваться. Итальянцем тоже прикидываться не рекомендуется. Любой американский полицейский может итальянцем оказаться.

Выдавать себя за грека — не лучшее решение. А если за ирландца себя выдашь, то может получиться совсем нехорошо. Но много ли американских полицейских владеют болгарским языком? И если таковые окажутся, то есть у господина Беева возможность извернуться. «Да, я — болгарин, но папа и мама — русские. Бежали от проклятых большевиков». И другие есть извороты...

5

Итак, стукнул элегантный господин в зеркальную дверь — проворный привратник ее распахнул, шляпу над головой вскинул.

Поднялся господин на шестой этаж. Он откровенно любил этажи Вашингтона. Он знал цену мраморным лестницам и бронзовым светильникам. Стиль древнего Египта захлестнул мир. И вот величественные образцы чудо-архитектуры: колоннады, как в храмах Ассуана, бронзовый узор в виде широченных листьев и людей с песьими головами. Мягкий свет струится непонятно откуда.

Открылась дверь пред ним, и он оказался в кабинете, который вполне мог служить тронным залом Рамзеса Второго. Навстречу поднялся крепкий упругий человек и протянул руку. Молча пожали. Ответственный работник Коминтерна, он же преуспевающий бизнесмен, он же Холованов, широко известный в узких кругах под звонким именем Дракон, протянул владельцу кабинета свою трость. Тот принял ее, внимательно рассмотрел львиную морду набалдашника. Извлек из стенного шкафа другую, такую же. Сравнил. Вернул трость Холованову и жестом предложил сесть.

Не каждый американец свободно владеет болгарским языком. Не каждый житель Болгарии — английским. Поэтому они заговорили на русском: гость — свободно, хозяин — тщательно подбирая слова и старательно их выговаривая.

— Что сделано?

— Сделано многое. Восемьдесят четыре американских инженера завербованы и отправлены на строительство крупнейшего в мире авиационного завода в Комсомольске. Пятьдесят шесть инженеров завербованы и отправлены на строительство танкового завода в Челябинске...

— Мы его называем тракторным, — мягко поправил гость.

— Да, конечно, — согласился хозяин. — Восемнадцать американских инженеров завербованы и отправлены на строительство танкового завода в Нижнем Тагиле — да, я помню, вы его называете вагонным заводом. Скоро будут пополнения на Воронежский и Куйбышевский авиационные заводы, на Харьковский танковый.

— Это хорошо. Кроме всего, нужны специалисты в области акустики и записи звуков.

— Специалистов было легко вербовать, когда Америка была в величайшем кризисе. Сейчас Америка из кризиса выходит...

— Вы на что-то намекаете?

— Всё на то же. На вознаграждение американским инженерам в России...

— И вам?

— И мне.

— Американские инженеры в России живут так, как они не живут в Америке, и получают столько, сколько они не получают в Америке...

— И всё же любителей поубавилось.

— Я обдумываю это.

— Я постараюсь найти акустиков. В Россию?

— В Россию. Но вербуйте их якобы для Швейцарии, намекая, что в России платят в три раза больше. Сделайте так, чтобы документы были оформлены для выезда в Швейцарию, но чтобы им очень хотелось в Россию.

— В пути инженеры-акустики пропадут, и концы в воду...

— Это не ваша забота. Вы завербуете и отправите их в Швейцарию. Остальное вас не касается.

— Это будет стоить дороже обычного...

— На сколько?

— Вдвое.

— Я подумаю. Но не слишком ли?

— Найдите другого.

— Ладно. Договорились. И еще. Мне нужны машины, которые называются магнитофонами.

— Сколько?

— Сорок.

— Ого!

— Сорок сейчас. Потом еще.

— Знаете ли вы, что один магнитофон стоит столько, сколько двенадцать хороших автомобилей?

— Знаю.

— Сорок магнитофонов — это стоимость почти пяти-сот хороших автомобилей.

— Да, конечно.

— И десять процентов от сделки... мои?

— Как обычно.

— Хорошо. Будут магнитофоны.

— В основном мы довольны вашей работой. Вот оплата вашего труда за прошедшие месяцы. Мы очень беспокоимся о вашей безопасности и настоятельно рекомендуем вербовать американских инженеров не только для Советской России...

— Мы прикрываемся, как можем. Но вербовать специалистов для других стран фирме убыточно...

— Вы опять намекаете на то же самое.

— Опять намекаю.

— Хорошо, я подумаю. И последнее. Как идет выполнение главного заказа?

— К концу 1938 года будет готов.

— Раньше нельзя?

— Раньше нельзя.

— Я плачú.

— Раньше нельзя. Если бы мы знали, что делаем, то можно бы и пораньше. Очень трудно делать сложнейшую вещь, не понимая, для чего она предназначена.

— Это действительно трудно. Но таковы условия соглашения: вы не спрашиваете, что это такое и для чего предназначено.

— А знаете, я догадался. Это своего рода ключ к какой-то очень сложной электротехнической системе, которую вы создаете там, у себя, в Советской России. Например, мистер Сталин создает запасную столицу на случай войны. Все системы связи стягивает куда-то в сторону от Москвы. Чтобы запасной столицей и ее системами связи никто не мог воспользоваться без его разрешения, он создает электротехнический прибор, который по сложности не уступает самым совершенным шифровальным машинам мира и в то же время невелик по размеру и помещается в небольшом чемодане или даже в портфеле. В России вы не можете заказать такой прибор: враги мистера Сталина могут узнать об этом заказе, прибор украдут и используют его против мистера Сталина, взяв под контроль все системы связи страны. А в Америке вы заказываете такой прибор и не боитесь: экспертам фирмы непонятно назначение прибора, если они и догадаются, что это ключ к чему-то, они всё равно не смогут им воспользоваться, так как не знают, где находится та самая секретная столица со всеми ее системами связи, которые этим ключиком открываются... Я прав?

В глазах гостя сверкнуло нечто такое, что согнало улыбку с губ хозяина кабинета. Холованов медленно встал и молча двинулся прямо на мистера Стентона с явным намерением свернуть ему челюсть. Стентон вскочил навстречу надвигающейся угрозе. Холованов резким толчком под подбородок толкнул Стентона назад. Тот повалился в свое роскошное кресло на колесиках. Кресло

покатилось к стеклянному шкафу с дорогими сувенирами и со звоном в него врезалось.

— Ты ошибся! Понял? Ты ошибся.

— Но это только предположение!

— Тебе деньги нужны? Вот тебе деньги!

Холованов распахнул портфель крокодиловой кожи и выхватил тугую пачку долларов. Рванул рубаху на груди Стентона, сунул пачку за пазуху: вот тебе, если мало! Вот еще и еще! Поднял портфель над головой перепуганного американца и словно из кузова самосвала высыпал на его голову всё содержимое: тугие пачки денег.

— Думаешь, у меня трость точно такая, как и у тебя? Ошибаешься!

Резким движением Холованов выхватил из ствола трости, как из ножен, сверкающий клинок, нечто среднее между рапирой и стилетом, жестом опытного фехтовальщика отбил в стороны руки Стентона и упер острие клинка в его горло.

— Денег дам сколько скажешь. Но если вздумаешь высказывать даже самому себе любые предположения о назначении агрегата, я тебя проколю как лягушку. Всё. Работай. За досрочное выполнение плачу отдельно.

В этот вечер преуспевающий болгарский бизнесмен превратился в единственного наследника сербского княжеского рода. Еще через восемь дней — в неответственного работника Коминтерна, потом в Холованова, товарища из сверкающих сапогах, известного под кличкой Дракон.

6

Обратила Настя внимание: работает на ковре, бросает инструктора правым захватом, а по балкону, на котором спортивный инвентарь хранится, всё чьи-то сапоги мелькают. Может, и не заметила бы, да уж слишком блеск яркой.

Сегодня после занятий вышла из раздевалки в пустой коридор, а ее и окликнули.

Обернулась: стоит перед нею дядька в кожаном пальто. Хорошо, что коридор широкий, в самый раз ему плечи вместить. А то боком бы ему в коридоре стоять. Сапоги на нем те самые, которые даже в темноте абсолютной сверкают. В самый раз по лесу ночью гулять, сапогами дорогу освещая.

— Гражданка Стрелецкая, поступило заявление от мастера Никанора...

— А разве он жив?

— Вообще-то жив. Поправляется.

— Передайте, если встречу еще раз — зашибу.

— Незачем его встречать.

— Ну и хорошо.

— Меня Холовановым зовут.

— Очень приятно. Мне как раз на работу сейчас. До свидания.

— С директором «Серпа и молота» я поговорил.

— С директором? — не поверила Настя.

— С директором. Вот бумага с его подписью. Вас с должности уборщицы цеха подняли до помощника сменного мастера.

— А я ничего в производстве не понимаю.

— Ничего понимать не надо. И вообще на завод теперь можно ходить раз в месяц за получкой. Если времени не будет, так они вам на дом получку присылают будут. Руководство сборной Союза приглашает вас в команду. Профессионального спорта у нас нет и быть не может. Спорт у нас любительский, но тренироваться надо день и ночь, круглый год.

— А «Серп и молот» будет мне платить за такую работу?

— Будет. Если любитель на работу не ходит, а только тренируется, то на что же он жить будет? Поэтому наши заводы помогают любителям. Еще есть вопросы?

— Есть. Ваш пистолет — это настоящий «Лахти»?